Предание о Степане Разине и его сыновьях

В некотором царстве, в некотором государстве, именно в том, в котором мы живем, недалеко было дело от Чечни, близ речки Дону, в тридцати пяти верстах от Азовского моря, жил в одном селе крестьянин, по прозванию Фомин, а по имени Василий Михайлов. Не старше он был тридцати восьми годов, народился у нею сын, назвали его Михаил. Воспитал он его до шести лет. В одно время в прекрасное он поехал на работу, взял и сына с собой. Напала на них небольшая шайка разбойников, мать с отцом убили, а Михайлу с собой взяли. Привозят они его в свой дом, отдают его атаману. Атаман у них был старик, девяноста пяти лет. Принял он этого Михайлу на место своего дитя, стал его воспитывать и научать его своему ремеслу, в три страны велел ему ходить, а в четвертую не велел. Прошло три месяца, атаман Роман выдумал Михайле имя переменить, собрал шайку, чтобы окрестить его, и назвали его Степаном. «Ну, теперь, мой сын Степан, слушай меня! Вот те шашку и ружье, занимайся охотой, дикой птицею двуногой и с руками и с буйной головой!» Степан вышел со двора и вздумал о родной стороне. «Где-то мамынька моя и родимый тятенька? В поле на меже свою голову схоронили, а я-то, Михайло, остался у разбойников в руках». Сам заплакал и пошел в ту сторону, куды атаман велел.

Вышел на большую поляну, вдруг увидел себе добычу, лет семнадцати девицу. Он подошел к ней, сказал: «Здравствуй, красная девица! Что ты время так ведешь? Сколько я шел и думал, такой добычи мне не попадалось. Ты — перва встреча!» Девка взглянула, испугалась такого вьюноши: увидела у него в руках востру саблю, за плечом — ружье. Стенька снял шапку, перекрестился, вынул шашку из ножны и сказал: «Дай бог пòмочь мне и булатному ножу!» Возвилася могучая рука с вострою шашкою кверху. Снял Стенька голову с красной девушки, положил ее в платок и понес к атаману. «Здравствуй, тятенька! Ходил я на охоту, убил птичку небольшую. Извольте посмотреть». Атаман, выходя, взглянул на платок: на нем окровелённая голова, красовитое лицо. «Вот, Стеня, люблю за то!» Поцеловал его в голову. «Я тебя награждаю своим вострым булатом, с ним я ездил семьдесят пять лет, а теперь ко мне кончина приходит».

Атаман вскоре крепко заболел; собралась в дом его вся шайка. Он своим подданным и говорит: «Ну, братцы вы мои, выбирайте, кого знаете, а я вам

не слуга». Вдруг вышел из лесу невысокий старичок, левым глазом он кривой, правым часто подмигиват. Взглянули на него разбойники и в голос закричали: «Подойди, старик, сюда!» Он подошел, смеется и говорит: «Ну, чего вам от меня нужно?» — «Ну, старичок, рассуди нам дела: нас вот двенадцать человек, кто из нас будет атаманом?» И он им ответил: «Вы не выберете из себя. Я — сам главный атаман из такой-то шайки; мои подданные ездили на разбой, плохо сделали, уплошали: перевязали, в каземат посадили. Мне, старику, владать теперь таким домом нечего, я и пришел к вам». Все разбойники вскричали: «Как, мы тебя, старик, не знаем». — «Что вы, братцы, неужели вы Василья Савельича не знаете?» — «А вот-вот! Вот нам и атаман! Пущай нами владает!» У них есаул был из татар, повернулся и пошел. Пришел к старому атаману и говорит: «Мы нашли себе атамана, Василья Савельича». Атаман говорит едва-едва, только намекает: «Пошли, мол, его сюда». Василий Савельич пришел к старику, взял его за правую руку и сказал: «Прощай!» Тот промолвил одно слово: «Прими моего сына, Степана по прозванью! Вот еще скажу тебе: в три стороны своих посылай, а в эту вот сторону ни пòногу не шагай»! После того умер атаман. Коронили его, все запели вечну память. Стал Василий своими подданными командовать и Степана научать. «Ну, теперича я тебе, Стенюшка, отец и мать. Слушай меня, что я тебе приказываю. Твой отец мне тебя на руки сдал, в эту сторону не велел ходить». Прошло три года с новым отцом; Стенька научился на охоту ходить; когда птицу, когда две принесет. Возлюбил его атаман и так его лелеет, паче сына своего. В одно прекрасное время взял Стенька шашку и ружье, вышел за ворота и думает: «куда сегодня итти мне? Да что мне отец приказывает в эту сторону не ходить?» Подумал и поглядел на востру шашку в руках. «Тут дорога опасна; моя булатная шашка притупела». Стенька воротился назад, взял бросил шашку. «Вот, ты мне не слуга! Я выберу нову!» Выбрал первую, сàму востру шашку, перекрестился и пошел по новой дороге. Шел он немного чащей и вышел на большую поляну. Вдруг видит перед собой огромную чуду. «Нет, это не так, думает, я здесь теперь должен погибнуть». Испугался, стоит на одном месте, не знает, что делать. «Куды же мне деться и как от этой чудищи скрыться?» Чудища подняла голову и увидала юношу, дохнула на него и стала двигаться к нему. Стенька заплакал и думает: «пропал! Говорил мне атаман, не ходи по этой дороге! Я его слов не послушал». Стал подходить ближе, вынул вострый меч, положил его на правую бедру. «Неужто», думает, «бог мне не поможет срубить Волкодира? Я не буду так трусить, и бог поможет!» Волкодир его тянет и хочет проглонуть сразу. Стал Стенька шашкой своей владать, все челюсти ему разрезать. Когда челюсти ему до

ушей разрезал и нижняя часть отстала, захватить Волкодира силы не стало, развернулся Степан своей шашкой и давай голову рубить, сколько силы его хватало (потому что он был не богатырь). Отрубил голову, стал брюхо разрезать; разрезал брюхо, нашел в кулак камень и дивуется над этим камнем. Повернулся и пошел. Идя, он дорогой думает себе: «что это за вещь такая, и какой это камень?» Взял, нечаянно лизнул и узнал все, что есть на свете, ахнул перед собой. «Вот, думает, этот камень мне дорог!» Пришел домой к отцу. «Здравствуй, тятенька, я ходил на охоту, и такая была удачна: погубил своего неприятеля, который нам ходу не давал». Отец ему и говорит: «Врешь, Степан! Твой прежний отец тут семьдесят пять лет жил с своими подданными, и то этого не мог сделать, а ты девяти годов мог такого противника погубить». Степан побожился и поклялся. «Правду, тятенька, говорю! Хошь, сейчас поедем, поглядим!» Под тот час съехалась вся шайка. «Ну-ка, братцы, — сказал Василий Савельевич, — оседлайте лошадей! Стенька говорит, что он нашего неприятеля срубил». Все в голос закричали: «мы жрать хотим!» Атаман и говорит: «Да ведь недалеко: скоро вернемся. Если правду говорит, мы пирушку сделаем!» Оседлали лошадей. Сел Степан на коня, сам вперед поехал, за нём атаман Василий Савельич. Доехали до долины, увидели Волкодира с отрубленной головой; закричали все: «ура! и Степану честь-хвала!» Воротились домой; атаман и говорит: «Ну, вот теперь, братцы, мы гулям!» Сделали пир, трое суток гуляли и все Степана восхваляли. «Теперь поживем», говорит атаман: «нам теперь воля на все четыре стороны! Кутнем-ка еще, братцы!»

Стал Василий шайку набирать и задумал по лесу раз погулять. Сел на доброго коня и поехал вперед, по новой дороге. Выехал он на Азовское море и увидел он небольшой кораблик. «Вот, братцы, говорит, мы этим никогда не занимались; а хороша была бы нам добыча: и хлеба, и одежи, и казны вдоволь». Одни разбойники и говорят: «Эх, Василий Савельич, это что за добыча. Мой дед и отец в Саранских лесах жили, — так вот там добыча!»— «А что?» — «Что? Там скот дешев, и народ ремеслен, и всяких заводов много». — «Да нет, надо испытать», говорит Василий. «Нам уж туды некуда лезть, потому я стар, а вот сядем-ка в легку лодку да поедем вдогòн». На берегу Азовского моря стояла небольшая косоуха. Сели в нее все двенадцать человек, взяли весла и грянули догонять кораблик. А на нем был капитан очень хитрый. Подогнал атамана к кораблю, а капитан на борт вышел, поддернул свои портки, — их на сорок сажен отбросило. Атаман вскричал громко: «Ай да, грянем веселее!»

Напустились они в другой раз; капитан их вплоть подпустил, шибко дернул за штаны, их угнало за полторы версты. «Нет, братцы, — говорит атаман, — я как этим делом не занимался, и вам не советую». Взял плюнул в лодку и пошел до коней. С такой досады они сели на коней и поехали домой. С эфтова время заболел атаман, стал подданным говорить: «Кто моим делом управлять будет? Я советоваю, братцы, Степана в атаманство посадить». Тут все стали на это роптать: «Мы сколько лет живем», а этого не видим. Недавно он пришел и атаманом хочет быть!» Степан вышел ж товарищам и говорит: «Если я атаманом не буду, так не хочу с вами служить! Ну, кто чего знат и какие искусства кто покажет? — закричал Степан. — Ну-ка, кто из вас такой ловкий? Преклони весь лес к земле!» Все выпялили на Степана глаза и ни слова не сказали. «Никто из вас не выбиратся?» — крикнул Степан. «Нет, никто не может». Вынул и поднял Степан шашку кверху и скомандовал: «Лес, преклонись к земле». Глядят разбойники, а лес на земле лежит. Закричали все: «быть Степану атаманом!» Степан ответил им: «Ну, братцы, служить со мной, — так служить! Покажите, как вы охотитесь, как бьетесь? Мы так жить не будем, а пойдем в привольные стороны». Разделил Степан свое войско на две части, скомандовал друг на дружку, в шашки. Они так бились и рубились, что никто друг друга не ранил и не убил. «Ну, братцы, я в надежде: моту итти с вами. Теперь мы здесь не заживемся: в привольны стороны пойдем! Забирайте все свое имущество, и выедем мы на Азовское море и отправимся в Саропский лес».

Собрались разбойники, сели на коней и поехали на Азовское море. На берегу нет ни лодки, ни расшивы; ни виду про них, ни слуху. «Ну, что же, братцы, будем делать? — говорит Степан. — На чем через море поедем? Давай сюда мою большую ко̀шму!» Степан разостлал ее на море, сделался вдруг большой корабль. Посадил на него шайку и лошадей поставил, громко вскричал: «Грянем, братцы, веселее!» Только его и видели. Приехал он к Саропскому лесу и говорит: «Ну, братцы, вы тут постойте, я съезжу, поразгуляюсь». Они на берегу себе табор сделали, а Степан сел на коня и поехал по лесу. Разыскал он себе прекрасное место для дома (стана), вернулся на берег, — из семидесяти пяти человек убежало у него двадцать. «Куда ж они делись?» спрашивает. «Гулять ушли». (А они сами начальниками захотели быть). «Ну, да мне и этих будет», сказал Степан. «Теперь, братцы, пойдем, примемся за работу». Сели на коней и отправились на разысканное место, и выстроили себе дом. Стенька выехал на охоту и увидел перву встречу: красна девица, отроду семнадцать лет, зовут Афросиньей, а отца Егором, из богатого дома. Размыслился Степан: хотел девицу погубить. «Да что я ее напрасно погублю, лучше с собой

возьму, пусть мне женой она будет». Взял ее с собой, пожил несколько время, написал письмо, послал к ее отцу, матери: «Дочери своей больше не ищите». И сколько родители ни старались, чтобы выручить из Степановых рук свою дочь: деревни четыре собрали народу и весь лес окружили. Подошли к Степанову дому, и разбойники все дома были. Увидал один толпу народа: кто с дубиной, кто с топором, кто с косой и ружьем; взбег к Степану и говорит: «Ну, атаман, видно, батюшка, мы пропадем!» — «Что такое? Еще не родился на свет тот, кто меня погубит! Где народ?» — «Наш дом они окружили, атаман!» Приубрался Степан в оружию, вышел на крыльцо и громко вскричал: «Ну-ка, подданные, садитесь скорее верхом! Не видите, что у нас?» Сели верхом. Степан вперед поехал, и народ расступился. Сели и поехали. Вернулся Степан назад к толпе народа и говорит громким голосом им: «Ну, что, вы хотели меня пымать? Разве я зверь какой? Не волк и не медведь, разве вы не видите?» Толпа остолбенела: ровно болваны стоят. Взял Степан в руку плеть и погнал их от дома, как овец. Старик и бросил о своей дочери стараться. Степан остался с Афросиньей жить. Прожил он год, и забрюхатела она, родился у них сын. Дал Стенька имя ему Афанасий.

После этого прожил он три года и вздумал выехать на берег Волги разгуляться. Было у него подданных с ним восемь человек. Увидел он, что баржа небольшая бежит. «Хоша нас, братцы, мало, а силы попробовам!» Кидает с себя епанчу, расстилает на воду. «Садитесь!» Сели на епанчу. Громко вскричал: «Ну-ка, братцы, грянем». Догнали баржу, лоцманов в воду покидали, капитана подвесили на дерево и обобрали все имущество. «Вот нам, братцы, добыча! Мы, так я думаю, поселимся на Волге». «Как, атаман? Теперь есаул у нас старый, кого выбрать? Он в отставку хочет». — «А разве некого? А вон у меня есть Абсалямка; будет всеми делами моими управлять». Уехал Стенька домой и говорит молодой жене: «Ну, Афро-синья, последние дни с тобой живем! Я тебя к отцу отправлю; только я тебя не обижу. Есть у меня семь коней; навьючу на них серебра и меди, а золота-то понюхать и самим нечего». Девка была его словам рада, ждет — не дождется.

Собралась вся шайка, семьдесят пять человек (во время разъезда пристали); вышел Стенька на крыльцо. «Ну-ка, братцы, много ли нас?» — «Семьдесят пять человек». — «Ну, вот осталось пятьдесят, а теперь опять прибавка. Ай-да, кто хочет на Волгу! Кто охотники — вперед!» Все вскричали, кроме есаула: «Все желаем тебе служить! Пойдем!» — «Я желаю подальше выбрать место. Слыхали про Жигулинские горы? А только вот что:

есаула надо выбрать». — «Кого желаешь, атаман, того и сажай в есаулы!» Он еще раз подтверждает: «Вот я желал бы Абсалямку!» — «Ну, и мы желаем его!» вскрикнули все. «Он человек хороший и проворный и все искусства знает. Выходи, Абсалямка, вперед! Командовай!» Вышел Абсалямка вперед, крикнул: «Ну, робята, слушайте, как атамана, так и меня! Мы скоро в поход пойдем по деревням; где что попадется, все тащить, зря не бросать!» — «Это», отвечает шайка, «наше дело: мы не проглядим, что висло висит!» Степан вскричал громким голосом: «Оседлайте таких-то лошадей и насыпьте полны мешки серебра и меди, привяжите покрепче, да вот таких-то четыре коровы. Сегодня я отправлю жену на село. Ну, есаул, выведи на дорогу, смотри, чтобы худого ничего не было». Вывели семь лошадей с мешками и четыре головы коров и привязали друг за дружку, на переднюю лошадь самоё посадили. Есаул вывел на дорогу и указал ее дом. На другой день Степан приказал ехать в Жигулинские горы. Оседлали коней и пошли упорством на Старо-Черкасску губернию, открыли огонь, сделали битву такую, что побили неприятелев триста тысяч и забрали город. Возвратились оттудова упорством: на Саратовскую губернию. Кроволитие тут у них было такое, что побили сто восемьдесят тысяч человек, забрали Саратов-город. Из Саратова выступили на Жигулинские горы, приискали удобное место, покопали себе землянки, устроили все в порядок. Стенька стал выезжать на Волгу разбивать суда и вздумал раз съездить в Саратов-город. Приехал туда и увидел у одного богатеющего купца прекрасну дочь, под названием Марья Федоровна, и так ему захотелось себе забрать ее в супружество. Дожидался он, когда она на разгулку или на балкон выйдет. Через некоторое время выходят на балкон и выносят большой самовар; купец с купчихой садятся чай кушать, и дочь их выходит. Стенька напустил воды, раскинул кошму и подъехал к балкону, взял купеческую дочь из-за стола, посадил на кошму и с собой увез в Жигулински горы. Купец: «Ах, держи, лови». Не тут-то было. Стал Стенька выходить на берег и не стал никому давать проходу: ни одной барже, ни расшиве. Стали доносить государю, царю Ивану Васильевичу: «Царь Иван Васильич! Стенька Разин не дает проходу ни пешему, ни конному и по Волге разбивает баржи, и купеченски, и даже казенны». Отписыват царь Иван Васильевич Стеньке: «Степан, ты разбивай хоть купеченски, а мои не трог, а то я на тебя пойду упорством!» Степан отвечает царю: «Вы на своих баржах делайте знаки, а если желате итти на меня упорством, милости прошу на Жигулински горы. Если вы хотите мне дань платить, то платите мне за каждый проезд и кладите знаки, а не хотите, я тогда упорством пойду до Москвы!» Подумал царь Иван Васильич над Стенькиными словами: «Чем

хочет взять? Семьдесят пять человек и до Москвы хочет дойти!» И вздумал то, что он в Старо-Черкасской губернии триста тысяч побил, под Саратовом сто восемьдесят тысяч. «Ну, у меня столько силы нет, значит, я в его руках». Собрал дань и отослал Стеньке. «Положьте, Степан, сколько за лето возьмете, за прокат — я заплачу». Сейчас взял, на казенных баржах сделал знаки, и с того времени Стенька стал казенны баржи пропускать, а купеческая редко проходила без того, чтоб он на ней не побывал. В одно в прекрасное время вздумал Стенька покататься по Волге. Ехал Волгой вверх, доехал до Спасского уезда, Казанской губернии, до села Болгар. Вздумалось ему закусить. Подворотили, вышли на берег, идут селом. Попадается им встречу девка двадцати семи лет, поздоровкался с пей: «Здравствуйте, красна девица!»— «А вы что за люди?»— «Мы купцы. Не слыхали чего про Стеньку Разина?» Вдруг девица испугалась, что такой разбойник селом идет. «Зачем вы сюда идете? Чего вам надо?» — «Мы вот есть захотели, не знаем, куда зайти». Сквозь зубов девка сказала: «Милости просим к нам. Я накормлю». — «А где твой дом?» — «А вот на берегу Волги угольная хата». Повела девка в свой дом, посадила за стол, напоила, накормила. Степан и говорит: «Нельзя ли, голубушка, с тобой познакомиться?» — «Отчего же, можно». И с этого времени стал Стенька к ней частенько ездить. Стала девка богата, так что первая на селе, и вздумала, как бы его изловить. Раз он приехал к ней и говорит: «Ну-ка, сходи, принеси четверть водки! Та побегла, сказала старшине, что приехали к ней разбойники. Старшина взбулгачился, нарядил народу, и окружили дом. Она принесла водки; они стали пить. Тут гамѐт: «Давай его сюда! Иди к нему! Чего глядеть-то? Тащи его!» Но никто ничего сделать не мот. Попил Стенька, погулял и опять отправился на свое место. Народ только поглядел на него.

Прожил Стенька в Жигулях семь лет, изобрал себе удобное место напротив Бирючей косы. Места эти не были забраты, он и думает себе: «Если итти упорством, то нам кабы осилить, а помоги никакой нет». Вдруг рано утром приходит неизвестный человек с письмом от Афанасия Степанова: «Степан Степаныч, прошу вас испытать силы. Я уж стал восемнадцати лет, я забрал город Ленбург». И думает Степан: «Неужели это сын ко мне пишет?» Отвечает: «Кто есть ты такой за Афанасий Степанович?» Сам приехал к Бирючей косе и делает упорство на неприятеля (турка) и усильством сбили их с позиции на Бирючую косу; забрали их в плен живьем. Утром, на солнечном всходе, приходит человек, приносит письмо: «Любезный мой папаша, я буду к вам в гости, в город Астрахань, а неизвестно когда». Так он этому письму обрадовался! Взошли они на Теплый остров, построили

себе огромный дом. Между тем, пока он строил, сын приехал в Астрахань, гуляет по городу, не признает никого, никому шапки не скидает: ни господам, ни чиновникам, ни простонародью. Стали люди замечать, что он не из простых: либо из чиновников, либо из раскольников. Донесли губернатору. Губернатор сказал: «Когда пойдет, доложите мне». Вдруг вышел самый этот разбойник. Губернатору слуги доложили, что он идет. Губернатор вышел из ворот и пошел навстречу. Тот ему никакого не отдает почтения. «Что ты есть за человек?» — «А нàшто тебе?» — отвечает Афанасий. Закричал губернатор: «Держи его и посадить его в темницу!» После того Стенька приехал в Астрахань-город и узнал, что сын его в тюрьме, а кто посадил, — неизвестно. Долго он жил в городе и все разузнавал. В один праздник ему один человек и сказал, что сына его губернатор посадил. Когда ударили к обедне, стал народ съезжаться, идет губернатор. Стенька стоял на паперти, взял губернатора за руку и повел на колокольню. Взвел его на нее и вскричал: «Вот не ешь сладкую конфету, а попробуй луковицу с хреном!» Взял его в беремя и говорит: «Ну-ка, как кошка вывертыватся? Встанешь ли ты на ноги, как она?» И опустил его в окно за добродетель сыну своему. Вышел Стенька из церкви и пошел прямо в тюрьму, и сына выпустил, подвел его к губернатору и спрашиват: «Узнал ли ты своего неприятеля? Вот он тебя в тюрьму посадил, а сам летать захотел с колокольни, а садиться-то не умеет!» Попрощались сын с отцом. «Ну, сын, далеко ли пойдешь?»— «Я теперь отправлюсь в Перьму». — «Да как ты ее заберешь?» — «А как вы Бирючью косу забрали, так и я заберу». И пошел Афанасий в свою шайку. (У него немного было: сто семьдесят пять человек). Приехал в шайку, проздравил себя, что «был де я таким-то губернатором посажен в тюрьму и был в ней семь дней, покуда отец меня не выпустил, а сам губернатор вздумал полетать, а садиться не умел». «Теперь, братцы, в Перьму упорством пойдем». Собрались и сделали войну — боже упаси! Забрал Афанасий Перьму и шестьсот человек в плен. Когда Стенька узнал об этом, был очень рад и пошел упорством в Самарску губерню и забрал неболыпу речку Урал. Поселились тут все подданные Стеньки, а он их наградил землею и лугами, и лесом, и рекою Уралом. «Если кто, говорит, будет у вас отбирать, то сделайте упорство!» Больше он в войну не пошел, и задумал Стенька отпустить свою Марью с малыим дитем; поехал в Жигулинские горы домой. Приехал, видит, что Марья лежит на кровати мертвая. «Ну, бог с ней! Ладно, что не захватил». Так и оставил.

После того стало ему скучно. «Дай поеду на Каспицкое море!» Расправил свою толстую кошму, сел на нее и поехал к Каспицкому морю. Ехал не больше трех часов, приехал к столичному городу в Персии, видит: гуляет по

балкону прекрасная королева Елена; вздумал: «Как я ущельем к городу проеду? Дорога тесная». Напустил воды, подъехал и взял ее с балкона, посадил на кошму и увез на Теплый остров.

Приезжает в дом, встречают его служащие. «Ну, братцы, проздравляйте меня с победою! Чего желалось, то я получил! Теперь мы займемся пойначе работать. Надо хлеба на зиму заготовить и всего. Съездите-ка в город Астрахань!» Поехали двенадцать человек, тринадцатый есаул, Абсалям. Приезжают; высмотрели богатеющего купца магазин. Вот есаул и говорит: «Не поживимся ли малость?» Подрезали жестяную крышу, и один из ловких влез туда и давай оттуда все переть. «Что, будет? Кажись, все я повыкидал». — «Да вот пошарь-ка, нет ли еще? На одну подводу не хватат». Стал разбойник шарить и нашел: висит что-то. «На крюку что-то висит; я вам не выкинул». А это была кунья шуба с бобровым воротником. Выкинул ее оттуда, и сказал Абсалям: «Вот так шуба! Как бы ее от атамана скрыть, чтобы мы от нее поживились?» Положили на воз и отправились домой. Часу в первом остановились лошадей кормить на большой поляне, в лесу, не доезжая пяти верст до Волги. Перед самой зарей вдруг есаул сделал тревогу. «Что вы, братцы, спите, мы-то ухачи-воры, а у нас украли!» Поскакали разбойники впогонь, во все стороны. В это время есаул взял, шубу украл. Разбойники вернулись и спрашивают: «А много ли покражи было? — «Да вот, — говорит есаул, — шубу украли, а она мне всего дороже». — «Ну, делать нечего, — говорят разбойники, — видно, нам ею не владать!» Есаул помалкиват. Приезжают к атаману, говорят: «Господин атаман, поздравляй с добычей! Все ездили благополучно, только вот случилась беда: с возу кто-то шубу украл с бобровым воротником и обложену разным позументом!» «Плохо, — сказал Стенька, — а вот бы и надо ее сейчас! Как украли? Расскажите!» — «Да вот мы с устатку на такой-то поляне отдохнуть легли», — начал один разбойник. Стенька сказал: «Идите на то место и поищите невдалеке кругом, не будет ли она тут». Сели двое на лошадей и поехали на поляну, давай шубу искать. Не доезжая до одного небольшого кустика, видят: шуба лежит вверх воротником. «Эй, Митька, я шубу нашел!» Несет шубу на руке прямо к атаману. Атаман взял и говорит: «Да, стали от меня воровать! Не ладно, робята. Я на него надеялся, на есаула, ну, а теперь он из веры вышел». А Абсалям за дверьми стоял да слушал. Приходит в комнату и говорит: «Атаман, шубу мне отдай!» — «Как так? ты ее украсть хотел?» — «Нет, я тебе ее не подарю!» — говорит есаул. Сделалась у них большая ссора. Степан говорит: «Не быть тебе есаулом». — «Не буду я, — отвечал Абсалям, — есаулом, я буду атаманом!» Встал Степан со стула, рассердился, закричал на него: «Пошел вон отсюда!»

Есаул повернулся, загнул свое рыло и вышел. «Дай-ка, думает, я оседлаю своею коня и поеду, куда знаю». И уехал в Сызрань, прожил на нем три лета, набрал небольшую шайку в девять человек, стал воровать и разбойничать. Узнал про это Стенька. «Дай-ка я съезжу, разузнаю, как живет Абсалям!» Взял трех с собой и поехал. Приехали в Сызрань, нарядились купцами и спрашивают: где разбойник Абсалямка? Все знали и указали, в какой лес ехать. Стенька подошел к его дому. Абсалямка как увидел, испугался и говорит: «Здравствуй, брат Степан, я очень болен». — «Здорово, Абсалям, вижу я, какая твоя болезнь. Я не за болезнью твоей пришел, а за шубу расплатиться». — «Я теперь весь в твоих руках», сказал Абсалям с покорной головой. Со стоном говорит Абсалям: «Прости, брат Степан, я такой же атаман!» — «Не за тем я к тебе пришел, чтоб простить, а зачем ты от меня ушел?» Вынул Стенька вострую свою шашку и отсек Абсаляму голову, сел на доброго коня и отправился назад. Приехал домой и сказал: «Ну, робята, поминайте Абсалямку за покой его души. Вот вам жертва!» И отдал им меч. «Я сегодня братался с нём, снес ему голову своей вострой шашкой, ну, да будет про это толковать! Мы нового заведем. Как бы в Астрахань скорее попасть? Что-то мне скучно. Другого есаула нет, это не беда: мы одни исправим дело!» Оседлали новых коней. Стенька ясным соколом полетел. Проезжает он базаром, сам с улыбкой говорит: «Я и вновь здесь явился. Где же мой губернатор лежит? Я приехал к нему поздоровкаться, сказать: есаула пусть он встречает к себе в дом за его добродетель, чтобы мово сына в тюрьму не сажал. Мы после этого разговором займемся. Ну-ка, робята, поглядите, где нам добыча лучше будет! Заберемся мы к богатому купцу; он живет на самом краю, в полукаменном дому. Нам стены каменны нипочем: дочь-красавица у него; мы добра именья набрали, мы красавицу увезли». Привозил Стенька домой. «Вот тебе, любезная моя — сестра моя! (Это княжна-то.) Я долго не видал сестру, когда бунтовство было, я расстался с ней и сел на легку лодку, за тобой поехал, я время в этом проводил, в Персидское царство ездил, всех знакомых я узнал, купеченство разорял». Вздумал Стенька съездить в путь-дорогу, в Казанскую губерню; мимо Болгар проезжал, про прежнюю вспоминал. «Дай зайду к ней!» Вышел Стенька из лодки и завертыват в дом, в котором было веселье и гулянье. Он заставил стару девку баню истопить. Истопила она баню и побежала на село и сказала старшине: «Стенька парится в бане!» На тот случай идет старый старичок. «Что у вас за сходка?» спрашивает старик. «Вот мы хотим Стеньку изловить». — «Где вам, братцы, его пымать? Тот еще на свете не рожден. Рази мне старые кости потревожить и показать вам Стеньку?» Снял старик свою шапку, три

раза перекрестился, подошел к бане и тихим голосом говорит: «Степан!» Громко Стенька отвечал: «Эх ты, старый хрен? Не дал ты мне помыться!» Ну, делать нечего, стал он собираться. Вышли они из бани, Степан на все стороны поглядел, перекрестился и пошел. Старик тихим голосом сказал: «Старшина, давай подводу». Посадил его на телегу, сам сел впереди. Привез до города, спросил полицейских. «Нате вот вам разбойника Стеньку Разина в казамат!» Весь народ сдивовался, что не простой старичок. Он спросил исправника: «Ну, как его сажать?» Исправник говорит: «Надо в железо его сковать!» Взяли в железо его сковали; Стенька тряхнул ногой, и железы прочь полетели. Старик и говорит: «Не поможет вам железо, лучше мне его связать!» Взял моченое лыко, ноги, руки ему связал, посадил его в острог. Трое суток он в нем сидел, на четвертые является губернатор: известен был такой разбойник всей амперии. Распаленный губернатор закричал на него громко: «Может ли сидеть такой разбойник, связан мочалами? Заковать его в железы!» И сказал Степан: «Ну, теперь, братцы, прощай!» Нарисовал середь полу, легку лодку и сказал: «Садись, робята, со мной!» Полилась из острогу вода, отворилась дверь, и уехал Стенька в луга; увез с собой новых двенадцать человек, вернулся домой к молодой своей жене и к названной сестре (астраханке). И задумал Стенька переправиться в отдаленную дорогу, на Балхинско черно море, на зеленый Сиверский остров; и думат Стенька про свою молодую жену, княгиню: «Куда ж я ее возьму с собой? Неужели мне, удальцу, там жены не будет?» Разостлал Стенька платок, посадил двух девок с собой; под служащих — большой ковер, и сказал: «Грянем, робята! Недалеко: мы сегодня в Астрахань, а на утро будем в Рыбинском». Плыли они путину, молода его жена и сказала: «Куда ты меня завезешь?»— «А не хошь ты со мной ехать, полетай с платка долой!» Словом ее огорошил, — княгиня полетела вплоть до дна. Ехавши губерниями, народ видел его на платке, с девицей. Девица сидит, возмоляется: «Прощайте, нянюшки, мамушки
и родимый мой отец!» Он услышал эти слова, подворотил к левой стороне. «Ох и город мой родной (Синбирской), уж я редко в нем был, а все знаю»; Видит: сын навстречу идет, здороватся с ними и называет отцом. «Ах, сыночек Ванюшка, не знашь ли про свого братца?» — «Нету, тятенька, не знаю, я в несчастии нахожусь: архерей меня в тюрьму посадил». — «Ну, какая честь будет ему, хвала?» — сказал Стенька сыну. Обнялись поцеловались. «Не плачь, сынок, я с ним рассчитаюсь. Я еще не таких видал: Астраханской губернии губернатора с колокольни кидал, и этому не миновать!» Утром рано он встал. Выходит архиерей из алтаря, берет его Степан за руку: «Ну, пойдем со мной за сына рассчитаться!» Взял его на

вышний етаж и крикнул: «Сейчас получает наш архиерей за моего сына расчет!» Взял его и выбросил из окна. Народ взбунтовался. «Держи, лови». Но никто не видал, как Стенька весь народ прошел. Взял он сына своего, куды путь лежал, доехал до Рыбинскова: город славный, а стоять нельзя. «Оставайся, сынок, здесь, а я поеду, куда вздумал, по свету похожу, разузнаю, где что есть».

Приехал к морю и сказал: «Слава богу!» Стеньке от роду было девяносто семь лет. Переправился он через море на зеленый Сиверский остров, написал он письмо старшему свому сыну: «Я прощаюсь с вольным светом, и конец мне скоро будет». Построил себе дом близ большой дороги; имел проживанья три года, и кончил Стенька жизнь свою на Сиверском зеленом острове, но дети его не знают, где отец. Пролежал тридцать лет; стень ходила по земле, но народ она пугала и просила, чтоб над ее телом сказали вечну память.

Проезжал один из приказчиков с красным товаром; поднялась грозна туча, и ударил сильный дождь; он от дождя и заехал в дом Стеньки Разина. Стень подошла и шипом говорит: «Иди, возьми в такой-то комнате золота мешок и под таким-то звеном, под забором лежит Стенька Разин; скажи над нем вечну память, а прежде сведи коней со двора!» (А то землетрясение будет). Неустрашимый разносчик разыскал золота мешок, накалил его на горб, повез со двора и думает: «ладно ли так будет?» Воротился назад, разыскал труп Стеньки Разина, впопыхах скоро сказал три раза вечную память; сам бегом со двора побег, пал на лошадь, тронул коня возжой, но едва отъехал, — потряслась земля, и провалился труп Стеньки и закрылся землей. О Стеньке рассказу конец, а будем говорить о старшем сыне Афоньке.

Услыхал Афонька о смерти отца, и вздумал он съездить на Балхинско черно море, на зеленый Сиверский остров. Подъехал к морю, тихо было; сел в небольшую лодку и отправился сам на остров. Вдруг буря поднялась, раскачала лодку его. Тут-то Афонька страху наимался! Чуть не захлебнулась его лодка. Дошел до отцовского дома — стоят одни голые стены. Посмотрел на эти стены, сам заплакал и пошел; тихо во слезах слово сказал: «Смерть отца я не застал! Ну, прощай, отец! Теперь я до смерти не увижу тебя!» Отправился на море; поглядел— лодки нет. Вот беда и горе! Кто-то лодку угнал. Едут два перевозчика, он и крикнул: «Братцы, посадите меня». Те подъехали и говорят: «Что дашь за перевоз? Мы отвезем». — «Сколько возьмете?» — «Ну, садись!» Он сел в лодку и думает: «Денег у

меня ни гроша, чем я расплачусь с ними?» Один у него в кармане кистень. Вынул он его тихонько; перевозчики сидят впереди, веслами гребут, друг на друга глядят. Загляделся один перевозчик, взял Афонька — цоп его в ухо кистенем. Этого убил до смерти, а другого из лодки вышиб, сам сел в весла и поехал, куды надо. Преезжает на сву сторону, идет путем-дорогой, попадается ему артель средних мужиков; идут с золотых приисков. Афонька говорит: «Здравствуйте, робята! Куда ходили?» — «Идем с работы». — «А мне таких людей надо! Я иду третий день не жрамши, хоть на кусок хлеба добьюсь себе!» Мужики друг на дружку взглянули и оговорят: «Неужто мы живые одному в руки дадимся? Это вздор!»— «Ну, как же, мужики, денег много у вас?» — «Да есть у кажнего по сотняжке», — смеются между собой. «Ну, что ж, давайте мне на дорогу!»— говорит Афонька. «Эх, ты, дурак! Мы сами глядим, где бы взять». — «Да ведь с вами нечего так говорить: вы не знаете, кто я!» Вынул из кармана кистень и говорит: «Ну-ка, я примусь за прежнюю работу!» Тут Афонька развернул руку и дал одному плюху, а трое с испугу упали. «Я с вами вот как обойдусь». Поколотил всю артель, а деньги отобрал. «Будет мне на дорогу!» Идет и посмеивается, сам себе говорит: «Я теперь где ни взойду, голодом не умру». Пришел в свой дом: запустел, никого нет… И так досада его взяла, что из терпенья он вышел. «Где мои подданные товарищи, которые со мной были?» Вздохнул он тяжело и скрозь слезы сказал: «Прощай, моя изба! Больше я в тебя не приду!» Забрал все добро, сел на доброго коня. Проехал не больше пяти верст; стоит в лесу огромный дом. Он взъехал в него, выбегат к нему навстречу его есаул и говорит: «Здравствуй, брат Афанасий! Как твое здоровье? Где ты столько время был?» — «Неужто ты, брат, не знаешь, где я был? Я отца хоронил!» — «Ну, милости просим в наш дом. Мы свой выстроили». — «А много ли вас здесь?» — «Да немного: двадцать пять человек», — сказал есаул. «Так что же? И меня в артель принимайте!» — «А, милости просим!» Но так его досада берет, что он из атаманов в подданные идет, — говорит есаулу: «Ну, что, атаман, здесь служить неловко: добычи мало! Поедемте в привольные стороны, где отец работал». — «И я думаю туда же отправиться».

В одно прекрасное время съехалась вся шайка, начали говорить: «Кто на Волгу хочет в город Синбирской?» Один из работников говорит: «Да ведь не знай, как мы попадем в Син-бирской: там заведыват Ванька» (брат Афоньки). А Афонька говорит: «Вот мне и хочется узнать. Забирайте ограбленное добро». Забрали, лошадей оседлали, сели, поехали. Приехали на берет Волги в небольшое село, но прозванью Майну, разыскали тут удобство (небольшую рытвину), прежний готовый дом, остановились на

время жить. Разузнали все дела, как живет Ванька, командоват своими войсками и гордится, управляет всей Волгой; занимает должность отца-старика: суда разбивает, лоцманов в воду кидает. «Ну, это он незаконно, — сказал Афонька. — Пусть бы он деньги и добро брал, а лоцманов в воду кидать незачем. Попробую силу его!» Написал Афонька письмо: «Ожидай меня в гости!» Ванька отвечал: «Милости прошу, незнакомый человек!» Собрались двадцать пять человек, разостлал Афонька епанчу, сели вместо лодки и поплыли в Синбирск. Ванька встретил гостя и говорит: «Какие вы люди?» — «Мы дети Стеньки Разинова, первый сын Афанасий». Он этому делу не верит, хочет по шее из дому прогнать. «Врешь! у меня не такой брат!» Произошел шум и драка; открыли огонь, и Афонька упорством пошел, прогнал Ваньку из Синбирского во Рязанскую губернию. Остался Афонька в Синбирском свою жизнь продолжать и научился, как баржи разбивать. Вот плохая тут удача: народ хитрый нынче стал. Однажды погнался за маненькой баржей. Лоцман был не промах: сам рулем правит, рукой по голове гладит. На голове волоса были длинны: как назад их закинет, и Афоньку с, Волги на берег кинет. «Эх, — говорит Афонька, — это, братцы, не так. Тут не поживёшься! Поедем дальше за ними». На путине баржа приотдохнуть и встала. Афонька — следом. «Вот где нам владать им, этим лоцманом! — шепнул Афонька. — Айда, братцы, за работу!». Взошли на баржу: лоцман стоит в своей хате. Отворил Афонька дверь и крикнул: «Эй ты, сонный тетеря, не отворяшь нам двери». С испугу лоцман вскочил, выбег на верхний борт, ножом горло перехватил. Разбили они эту баржу, златом и серебром лодку нагрузили и отправились домой.

Получает Афонька письмо, неизвестно откуда; стал его читать: письмо — от родного брата. «Эх, братец, не знал я, что ты был у меня в гостях и войну упорную сделал. Я теперь третий месяц в несчастьи: в тюрьме сижу». Афоньке жаль стало: он и поехал в Рязанску губерню, разыскал брата в тюрьме. Увидел весь народ, что самый тот разбойник в таком-то году архерея с колокольни бросил (лицом схож был). «Давай, держи, лови!» Шум поднялся и гвалт, а Афонька подошел тихо к за̀мку, выпустил свово брата и отправился в свое место. «Бросим это все дело, — сказал Иван брату. — Будет, брат, погрешили, пора на покаяние!» — «Нет, — сказал Афонька, — я до смерти свой дела ее брошу!»

Отправился на сво̀е место, на разбойное дело. Недолго ему царить досталось: нагрянуло войско; пымали Афоньку в темном лесу, посадили его в тюрьму. Решил его суд сквозь тысячного строя три раза провести. Забили Афоньку до смерти, а Иван пустился во моление и покаялся в девяносто семи людских душах.